

Современное российское образование в аспекте знания, понимания, умения

В. Б. ВЛАСОВА

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)*

В статье рассматриваются проблемы отечественного образования и воспитания в практическом аспекте; исследуются исторические причины и реальные условия его современного состояния; анализируются альтернативные возможности и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: образование, воспитание, ценностные ориентации, менталитет, творчество, догма, глобализация, технические средства просвещения.

Present-day Russian Education in the Aspect of Knowledge, Understanding, Skill

V. B. VLASOVA

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article considers the problems of Russian education and up-bringing in practical aspect. The author studies the historical causes and real prerequisites of its contemporary condition and analyzes alternative possibilities and prospects for further development

Keywords: education, up-bringing, value orientations, mentality, creativity, dogma, globalization, education technologies.

Автор данной статьи уже 20 лет совмещает научную работу в Институте философии РАН с преподаванием философии в муниципальной гимназии. Это позволяет компетентно судить о реальном состоянии отечественного образования, изучать исторические причины и механизмы его развития, чтобы выяснить его перспективы сегодня, в условиях глобализации культуры. В частности, в последнюю четверть прошлого века появились возможности расширить профессиональную свободу учителя; раздвинуть границы родительского выбора гарантий качественного обучения; радикально изменить технические средства овладения знанием; поднять творческий потенциал учащихся. А это значит, что возникла почва для формирования новой генерации активных граждан, так необходимых в нашей культурной практике. Однако плюсы этой ситуации не только не были использованы до конца, но иногда становились источниками противоречий в реализации педагогического про-

цесса. Чтобы понять, как это происходило и остались ли основания для оптимизма в этом вопросе, вспомним бердяевский анализ российской ментальности.

Метания между Западом и Востоком; годами промышленной цивилизации и христианским мессианизмом; между бунтарским стремлением к свободе личности и сохранением патриархальных установок сознания с его круговой порукой, нивелирующей индивидуальную ответственность (а значит, свободу индивида), и как следствие произвол «вождизма» — все это смыкается не только в идеологических пристрастиях россиян, но и в социально-экономической практике российского государства вплоть до настоящего момента. Ибо государственная политика, если ее цель — реализовать перемены в образе жизни людей, вынуждена считаться с их образом мышления, обремененным антиномиями менталитета. Еще одна важная противоречивая характеристика нашего народа — это соединение необыкновенной

* Власова Виктория Борисовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии Российской академии наук. Тел.: +7 (499) 697-98-93. Эл. адрес: socio.philos@gmail.com

терпеливости с нетерпением, взрывающим все привычно-прочное, когда чаша терпения переполнилась. В стремлении изменить все сразу, пренебрегая временем, необходимым для вызревания оптимальных форм осуществления идеала, и полагаясь исключительно на волевую активность. Таким «взрывом нетерпения» были отмечены 80–90-е годы прошлого века. Правда, он был обусловлен еще и объективной исторической необходимостью развития России как мировой державы, а может быть, даже и ее существования на политической карте мира, ибо тогда не могло быть другого способа освободить придавленные застойным тлением, но еще живые в глубине российской почвы родники творческой инициативы в отношении к жизни, к культуре, в том числе к хозяйственной деятельности.

Однако взорванное болото догматизма и бюрократии, политического лицемерия и социального равнодушия брежневской эпохи залило страну фонтаном грязи. Наследие «зрелого социализма», который уродовал души людей и приучал общество к двуличной стратегии выживания, приводившей к безнравственности целых поколений, подготовило социально-психологическую почву для черного пиара и криминального беспредела. Начетничество и безответственность с их безынициативностью на одном полюсе и произволом на другом и сегодня дают о себе знать, мимикрируя в разных вариантах. Подпитанный сменяющимися друг друга экономическими и финансовыми кризисами правовой нигилизм усугубил организованную преступность и коррупцию, далеко превосшедшие по своим размерам прежние отечественные мерки и «мировые стандарты». «Порнуха» и «чернуха» в искусстве захлестнули наше духовное пространство, формируя пессимизм масс, особенно в их зрелом спектре. Через воспитание в семье и личный опыт не утвердившегося еще в своем культурном выборе молодого поколения эти негативные влияния создали фундамент для прихода на смену коммунистической идеологии полной безыдейности, а в худшем слу-

чае — и перерождения коммунистических идей в неофашизм, религиозное сектантство и т. п. вследствие серьезного размывания критериев ценностной ориентации.

Безвкусица в СМИ и навязывание рекламы «эталонов» зарубежной массовой культуры в повседневной жизни разделили население России на два «фронта». В СССР трудящиеся не имели индивидуального опыта устройства быта, довольствуясь «ширпотребом», производители которого не обременяли себя ни серьезными эстетическими идеалами, ни высокими государственными требованиями к качеству продукции. Поэтому одна часть постсоветского общества пополнила в этой ситуации ряды «совков», стремившихся вопреки всему «сохранить лицо» советской культуры. Другая же его часть представляла собой «продвинутых» потребителей, которые противопоставляли себя прошлому целиком, не утруждаясь осмыслить наряду с его недостатками его достоинства, а потому не способны были позаботиться об исторической преемственности, о приобщении к аутентичным корням великой и самобытной отечественной культуры. Исключение из этого правила составляет повсеместное увлечение религией. Но это во многом оставалось (а иногда и сейчас остается) лишь той же потребительской модой, которая возникала всего лишь из желания вкусить запретный при социализме плод. Очень важно понять, что все перечисленные события и их последствия выступают не только историческим фоном, вокруг которого строилось в это время народное просвещение, но и источником личных приоритетов учеников, родителей и учителей в российской школе, оказываясь причинами сегодняшнего состояния дел от детских садов до вузов. Куда и почему дети и молодежь идут учиться; как и зачем они учатся; как и кем контролируется учебно-воспитательный процесс и каковы его следствия?

Начнем с постперестроечных ценностных ориентаций российского национального сознания, приоритеты которых до конца еще не сложились. Разговоры о «главной идее»

остаются разговорами, хотя, так или иначе, мы все чаще пытаемся перейти к делу. В частности, настойчивое обращение нашего искусства, СМИ и даже религиозных учреждений к памяти об общей исторической судьбе российских народов; признание ее трагичности, потребность в покаянии и поиск правды одновременно на обоих полюсах общественного противостояния в начале прошлого века дают надежду, что рано или поздно наше самосознание окончательно придет к консенсусу в оценке своей истории, обретет единство и гармонию в отношении к ее свершениям и научится выносить из ее событий серьезные уроки и гордиться культурным достоянием родины. Однако «адекватные» расчеты с прошлым — это необходимое, но не достаточное условие для гарантии эффективного творчества массового субъекта нашей истории впредь. Нужно еще, чтобы самостоятельно сформировались, органично вырастая из той или иной оценки прошлого, позитивные идеалы будущей деятельности, утвердились стимулы к объединению вокруг них всего общества. Для этого в условиях глобализации культуры необходимо, чтобы любовь к своей земле, своему народу и его культуре соединялась на ценностной шкале нашего исторического сознания с уважением к культурному опыту других наций, с готовностью осмысленно воспринять его в той мере, в какой он мог бы послужить свершениям нашего собственного культуротворчества. Главная же задача старшего поколения в том, чтоб привить молодым желание стать не только созидателями материальных благ, но и духовными творцами, опирающимися на собственные корни и сопрягающими свою деятельность с общечеловеческими ценностями мировой культуры.

В сфере образования понятие духовного творчества предполагает, что носители культуры в подлинном значении слова обязательно выступают ее творцами независимо от того, являются ли они педагогами или учащимися, поскольку культура есть диалог, предполагающий творческое участие обеих сторон. Поэтому главное внимание в школе

должно уделяться не столько специальным сведениям, которыми изобилует любая учебная дисциплина, сколько выработке у ребенка общего интереса к познанию, к выявлению в предмете неких загадок и сложностей, требующих не зубрежки, а понимания материала, к формированию оригинального подхода к его освоению. Именно на этом пути решается и проблема большой загруженности детей: надо сокращать не количество учебных часов и программ, а информационный балласт, которым перегружены рекомендованные учебники и программные курсы, акцентируя внимание учителей на воспитании творческого начала у детей самого разного возраста. К сожалению, сегодняшнее положение дел в школе прямо противоположно. Ссылаясь на обязательность государственного стандарта обучения, на деле давно требующего пересмотра, чиновники навязывают строго определенные схемы учебного процесса, оправдываясь тем, что их несколько. Но количество не заменяет качества, которое одинаково: в любой из них мало возможностей для подлинного творчества — и со стороны обучаемых, и со стороны обучающихся. При этом все ратуют за необходимость творчества, но профанируют его. Например, в ответ на претензии недовольных введением в России ЕГЭ к его тестам прибавили «творческую часть». На ее исполнение отводится всего несколько абзацев, а к оценке применяются тупые формальные критерии. В действительности это всего лишь суррогат творчества, с помощью которого бюрократы из министерства прикрывают «дырку в отчетности» по поводу оптимальности ЕГЭ.

Повсеместно утвердившееся ныне «натаскивание» учащихся на сдачу этого экзамена, ориентированное на запоминание формальных данных, подменяет собой так необходимое в школе творческое общение учителя с учениками. В результате есть опасность утери педагогом ядра его деятельности — диалога и даже постепенной его дисквалификации. Учащиеся же лишаются возможности ориентироваться на личность

учителя, полюбить тот или иной предмет в ходе заинтересованного обмена мнениями, тем более что эта система преподавания внедряется сегодня вплоть до начальной школы: вместо живого разговора с учителем малышам все чаще задают тестовые задания — «чтобы привыкали» к будущей деперсонифицированной практике сдачи ЕГЭ. Педагогические коллективы конкурируют друг с другом не в борьбе за души и интеллект учащихся, а в добыче «баллов», отработанных до автоматизма на «репетициях» ЕГЭ или счастливо угаданных, как в телешоу. Кстати, эти «репетиции» ложатся на родителей лишним финансовым бременем. В результате сомнительные ценностные ориентации формируются не только у учеников и преподавателей, но и у родителей: главное — не развитие сознания ребенка, его творческих способностей, культурных вкусов и эрудиции. Достаточно заплатить за «дрессуру» или просто там, где есть коррупция, «проплатить» итоги экзаменов, чтобы обеспечить будущее детей. Это еще сильнее дегуманизирует наше образование, ибо родители целиком устраниваются из культурно-воспитательного процесса, полагаясь исключительно на школу и домашний компьютер. И не только потому, что родители не хотят уделять внимание своим детям: им ведь надо заработать и на технические средства, и на репетиторские занятия, и на, возможно, платную учебу в вузе, а это требует времени.

Так же как и получение знаний, проблема общекультурного воспитания включает в себя целый комплекс вопросов. Самые общие характеристики современного российского нравственного воспитания тесно взаимосвязаны с особенностями нашей образовательной системы в целом и складываются под воздействием известных социально-исторических причин. В их числе крушение идеалов коммунизма в связи с их утопической сущностью, а самое главное — с обнаружением бесчеловечных методов реализации этой утопии и фарисейского характера «коммунистического» воспитания подрастающего поколения.

Развалившаяся под бременем своих противоречий экономическая система социализма ориентировалась на общественную собственность как конституирующую ценность общественного сознания, которая, как обнаружилось в ходе перестройки, особенно после августа 1991 г., оставалась таковой только на бумаге, ибо уже давно переродилась, чтобы выжить, в государственно-бюрократическую собственность, которую сам Маркс считал одним из вариантов частной собственности. В 90-е годы, ознаменованные возвращением к капитализму в его самой дикой форме первоначального накопления, стала бурно распространяться в общественном сознании новая система ценностей. Молодое поколение, не имевшее опыта «социалистического» прошлого, оказалось дезориентированным в «сшибке» экономических интересов и политических страстей, что явилось лучшей питательной средой для нигилизма, усугублявшегося хлынувшей с дешевых рынков массовой культуры волной зарубежной продукции, так или иначе пропагандировавшей порнографию, насилие, культ доллара и т. д.

Появившиеся именно в это время в широком пользовании Интернет, мобильная связь и т. п. обеспечили этой идеологической «интервенции» зеленую улицу. Расцвели мистика, оккультизм и сектанство, так что в противовес шарлатанству получила рычаги для своего укрепления ортодоксальная религия. Сам по себе последний факт можно было бы приветствовать как возвращение к христианским корням российской культуры и проявление на практике духовной свободы россиян. Но православная церковь стала вести себя экспансивно, особенно после смерти Патриарха Алексия II. Учреждение в тюрьмах, в армии специальных должностей для священнослужителей, безусловно, оправданно и потребностями верующих, и необходимостью пропаганды нравственных идеалов. Введение в школе предмета, изучающего историю мировых религий, также служит прогрессу. Но ведь российское православие настаивает на определенных акцентах в этом

процессе, которые, так или иначе, могут привести и к нарушениям свободы вероисповедания в многоконфессиональной стране, и к пренебрежению законом отделения церкви от государства, а что самое неприятное в нашем контексте — практики отделения школы от церкви. Конечно, пока благодаря активности атеистической общественности такие поползновения остаются лишь потенциальными намерениями. Но сама тенденция настораживает и все чаще требует от научного сообщества противостояния в борьбе за просвещение народа в стремлении привить ему творческое мышление, поскольку как раз в этой части особенно вредна религиозная догматика, запрещающая не только критику священных текстов, но и попытку их объяснения и истолкования и причающая паству тем самым к духовной несамостоятельности, к отсутствию так важной для нас сегодня плюралистической терпимости и уважения к чужой точке зрения, следовательно, к чужой культуре. При этом у сторонников светского образования сегодня маловато шансов победить. Ведь церковь на деле объединяет людей, разобщенных социальными, политическими, идеологическими противоречиями. Слово пастыря становится делом, потому что он ведет свою идеологическую работу не «для галочки». А учитель, справедливо ссылаясь на недостаточную оплату своего труда, забывает тем не менее, что его деятельность — это бесконечное подвижничество, которое, так же как и работа врача, должно в первую очередь вдохновляться призванием. У нас же в учителя идут, как правило, неудачники или молодые люди, при первой возможности покидающие школу. Существовавший в дореволюционной (и даже какое-то время в советской) школе престиж учителя упал сегодня в России до нуля. В результате в сознании многих работников образования утвердилось представление о том, что они «обслуга», т. е. менеджеры по продаже особого товара — причем не только в частных учебных заведениях, но и в государственных. Соответственно стро-

ится работа в таких школах: главное — это отметка, а как она получена (точнее, поставлена) — неважно. В результате здесь и учебная дисциплина, и вообще уровень поведения учеников в школе не просто упали, а исчезла сама возможность их контролировать. Что представляет собой ребенок, чем он увлекается за пределами школы, чаще всего никого не волнует. Поэтому подростки дома «уходят в виртуальную реальность», становятся лудоманами и наркоманами, сбиваются в хулиганствующие стайки, а иногда и в бандитские группы. Безусловно, речь идет не обо всех и даже не о большинстве школьников, но явная направленность процесса пугает.

Какое же лекарство может помочь в устранении этих «недугов»? Прежде всего совершенно очевидно, что нужно реализовать древнейший призыв к специалистам: «Врачу, исцелися сам!» Это означает обязанность всех, кто занят в нынешнем отечественном образовании, так построить его систему, чтобы воспитание не оказывалось в ней «факультативным» придатком. Государство обязано не жалеть денег не только на техническое оснащение, но и на создание таких условий, в которых количество учеников в классе не будет превышать 15–20 человек, чтобы учитель мог заглянуть каждому в душу, установить индивидуальные контакты и создать коллектив, смысл существования которого состоял бы не в единообразии мышления, а в гармонии разных творческих начал. В таком коллективе учебная дисциплина устанавливается сама собой, так как ее фундаментом выступают не муштра и нотации, а интерес к обучению, а также естественно вырастает стремление к самовыражению, взаимоотдаче и инициативному общению, обмену разными мнениями в рамках общих гуманистических духовных ценностей. Хочется верить, что это возможно не только в принципе, но и на практике, здесь и сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (1990) Судьба России. М.
Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46, ч. I.